

ВАДИМ ТЕЛИЦЫН

НИКОЛА ТЕСЛА  
И ТАЙНА  
ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОГО  
ЭКСПЕРИМЕНТА

RUGRAM

УДК 93/94  
ББК 63.3  
Т31

**Телицын, В.**

Т31      Никола Тесла и тайна Филадельфийского эксперимента / Телицын В. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 328 с.

ISBN 978-5-521-92434-9

Загадочный «Филадельфийский эксперимент» — что это? Это — телепортация — на сотни миль — эсминца ВМФ США «Элдридж (во время которой часть команды погибло, а часть — сошла с ума). Все материалы этой истории засекречены до настоящего времени. Филадельфийский эксперимент связывают с именем Николы Тесла (одной из самых загадочных фигур первой половины XX в.), который был вдохновителем этого эксперимента, но сам до конкретного события не дожил — ходят слухи, что смерть великого ученого была не случайна, что он предупреждал об опасности, спорил с Эйнштейном, призывая отказаться от опытов на людях, и его заставили замолчать... И об этом — данная книга.

Проанализировав всю доступную информацию, рассмотрев все версии событий, эта сенсационная книга раскрывает подлинную роль Николы Тесла в Филадельфийском эксперименте и ставит точку в споре о причинах трагедии и обстоятельствах смерти великого ученого.

BIC HB  
BISAC HIS000000

ISBN 978-5-521-92434-9

© Вадим Телицын, текст, 2020  
© Т8 Издательские технологии, 2022

# НАЧАЛО

В истории жизни этого человека нет «начала» и нет «конца», в истории его жизни реальность переплеталась с фантастикой, в этой истории человеческая мысль не могла найти себе выход, в этой истории желаемое выдавалось за действительное, в этой истории действительность — за желаемое...

«Какова была миссия Иисуса?»

Установить в мире космополитический строй, основанный на братской любви и терпимости, в которой «нет ни греха, ни еврея, ни обрезанных, ни необрезанных, ни варваров, ни рабов, ни свободных».

«Есть проповедники смерти; и земля полна теми, кому нужно проповедовать отвращение к жизни.

Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмерным множеством людей. О, если б можно было “вечной жизнью” сманить их из этой жизни!

“Желтые” или “черные” — так называют проповедников смерти. Но я хочу показать их вам еще и в других красках.

Вот они, ужасные, что носят в себе хищного зверя и не имеют другого выбора, кроме как вожделение или самоумерщвление. Но и вожделение их — тоже самоумерщвление.

Они еще не стали людьми, эти ужасные; пусть же проповедуют они отвращение к жизни и сами уходят!

Вот — чахоточные душою: едва родились они, как уже начинают умирать и жаждут учений усталости и отречения.

Они охотно желали бы быть мертвыми, и мы должны одобрить их волю! Будем же остерегаться, чтобы не воскресить этих мертвых и не повредить эти живые фобы!

Повстречается ли им больной, или старик, или труп, и тотчас говорят они: “Жизнь опровергнута!”

Но только они опровергнуты и их глаза, видящие только одно лицо в существовании.

Погруженные в глубокое уныние и алчные до маленьких случайностей, приносящих смерть, — так ждут они, стиснув зубы.

Или же: они хватаются за сласти и смеются при этом своему ребячеству; они висят на жизни, как на соломинке, и смеются, что они еще висят на соломинке.

Их мудрость гласит: “Глупец тот, кто остается жить, и мы настолько же глупы. Это и есть самое глупое в жизни!”

“Жизнь есть только страдание” — так говорят другие и не лгут; так постарайтесь же, чтобы перестать вам существовать! Так постарайтесь же, чтобы кончилась жизнь, которая есть только страдание!

И да гласит правило вашей добродетели: “Ты должен убить самого себя! Ты должен сам себя украсть у себя!”»

\* \* \*

...Высокий, сухопарый человек, который казался почти божественным существом. Он прямо (и — упрямо) держал свое крайне худое тело, одетое в безукоризненный, но простой костюм мягких тонов. Ни булавка для галстука, ни кольца не украшали его. Свои черные густые волосы он зачесывал назад на прямой пробор от высокого лба, на котором напряженные размышления над возбуждавшими и увлекавшими его научными проблемами прорезали глубокие морщины. Из-под выступавших густых бровей его глубоко посаженные, мягкие, но пронзительные глаза се-

ро-стального цвета, казалось, так и читают ваши затаенные мысли. Когда он вдохновенно говорил о завоевании новых сфер и достижении новых рубежей, лицо его как будто светилося неземным светом, а слушавшие его переносились из сегодняшней обыденности в воображаемые сферы будущего. Его добродушная улыбка и благородные манеры всегда указывали на истинного джентльмена, каким он и был по сути своей, на протяжении всей своей жизни<sup>1</sup>.

Он тщательно следил за своей одеждой. Одеваться он умел хорошо и всегда пользовался этим умением. Он сказал своей секретарше, что на Пятой авеню он одевается лучше всех и намерен и впредь оставаться на этом уровне. Но причиной тому было отнюдь не тщеславие. Опрятность и разборчивость в одежде полностью отвечали остальным аспектам его личности. Гардероб у него был небольшой, и он не носил никаких ювелирных украшений. Просто хорошая одежда прекрасно сочеталась с изысканностью его манер. Он заметил, однако, что в вопросе одежды мир относится к человеку так же, как он сам относится к себе, а это отношение к себе отражается в его внешнем виде. И нередко мир облегчает такому человеку путь к его цели, оказывая небольшие любезности, которых не оказывает менее привлекательным людям<sup>2</sup>.

Он любил приталенные пиджаки. Но, что бы он ни надел, выглядел он скромно, но элегантно. Из шляп он носил только черный котелок, ходил с тростью и обычно в серых замшевых перчатках.

Перчатки он покупал по 2,5 доллара за пару, носил их неделю, а потом выбрасывал, даже если они выглядели, как только что купленные. Он выбрал для себя один тип галстука и всегда носил только самовяз. При этом рисунок не имел

<sup>1</sup> О'Нил Джон Дж. Гений, бьющий через край. М., 2008. С 261–262.

<sup>2</sup> О'Нил Джон Дж. Гений, бьющий через край. М., 2008. С 263.

для него особого значения, однако он выбирал только те галстуки, где сочетались красные и черные тона. И каждую неделю он менял их, покупая себе новый галстук за доллар.

Рубашки он носил только шелковые, совершенно белые. На всех его вещах, таких как пижамы, на левой стороне груди неизменно вышивались его инициалы.

Он в огромных количествах закупал носовые платки, потому что никогда не отправлял их в стирку, а выбрасывал после первого же употребления. Он любил белье хорошего качества и покупал стандартный комплект. Воротнички тоже никогда не стирались, потому что каждый воротничок был у него одноразовым.

Кроме торжественных случаев, он носил ботинки на шнурках. Ему нужна была большая и узкая обувь, и он требовал, чтобы туфли изящно сужались, но имели тупые носы. Обувь, несомненно, изготавливалась на заказ, потому что ботинки, верх которых доходил ему до середины икры, не продавались в обычном магазине. А при его высоком росте такая опора у лодыжки была, по всей вероятности, совсем нелишней.

Одноразовость таких вещей, как носовые платки и воротнички, распространялась им и на гостиничные и ресторанные салфетки. Он панически боялся микробов, и это очень затрудняло ему повседневную жизнь. Он требовал, чтобы за стол, за которым он ел в отеле, больше никто не садился и чтобы перед каждым приемом пищи он покрывался новой скатертью. Он также требовал, чтобы слева от него на стол клали стопку из двух дюжин салфеток. Каждый прибор из столового серебра и каждое блюдо, которое подавалось ему — а перед подачей из кухни они, по его требованию, должны были стерилизоваться кипятком, — он брал одной салфеткой и протирал другой. А затем обе салфетки он мог бросить на пол. Даже во время небольшого приема

пищи он обычно расходовал целую стопку салфеток. Мух он ненавидел больше всего и, если одна из них садилась ему на стол, этого было вполне достаточно, чтобы убрать со стола все и начать обед заново.

Ему повезло, что господин П., бывший метрдотелем в «Вальдорф-Астории» в тот период, когда он проживал там, впоследствии работал метрдотелем и в отеле «Пенсильвания», где он позднее тоже прожил несколько лет. Поговаривали, будто в обоих отелях нанимали специального повара, чтобы готовил еду для него, но господин П. опроверг эти слухи.

В молодые годы он очень любил толстые бифштексы, предпочтительно из вырезки, и мог запросто съесть две-три штуки зараз. Позднее он стал отдавать предпочтение молодой баранине и частенько заказывал жареное «седло». Но поскольку седло было обычно настолько большим, что его хватило бы на нескольких человек, он съедал лишь центральную его часть. Любил он также блюдо из головы ягненка и жареную голубятину, фаршированную орехами. Из птицы, однако, он предпочитал жареную утку. По его требованию для жарки ее густо посыпали черешками сельдерея. Такой способ приготовления утки он придумал сам. Очень часто она становилась «изюминкой», вокруг которой строился обед для приглашенных друзей. В таких случаях он лично руководил на кухне ее приготовлением. Несмотря на такой способ приготовления, утиятина получалась вкусной. Ел же он мясо только с утиной грудки.

Но по прошествии десятилетий он перестал есть мясо. Поначалу он иногда заменял его рыбой, всегда вареной. Позднее он почти совсем отказался и от рыбы и перешел на вегетарианское питание. В запасе у него всегда было молоко, ставшее для него в конце жизни главным продуктом питания, который он принимал в теплом виде.

В молодости он пил очень много кофе, но когда постепенно осознал его неблагоприятное воздействие на свой организм, его прием уже вошел в привычку, с которой ему было очень трудно бороться. Когда же, наконец, он принял решение больше не пить его, то сумел выполнить это благое намерение, однако был вынужден признать, что влечение к нему все же осталось. Борясь с ним, он заказывал кофейник с любимым напитком и наливал его в чашку, чтобы наслаждаться его ароматом. Десять лет ушло на то, чтобы запах кофе надоел ему и он смог спокойно обходиться без него. Вредными он считал также чай и какао.

В молодости он также очень много курил, в основном — крепкие сигары. Когда ему только перевалило за двадцать, его сестра, казавшаяся смертельно больной, сказала, что попробует поправиться, если он бросит курить, и он немедленно сделал это. Сестра его действительно выздоровела, и он никогда больше не притрагивался к табаку.

Он пил виски, считая, что это источник очень полезной энергии и бесценное средство продления жизни. По его мнению, именно это средство было причиной долголетия многих его предков. В начале века он заявил, что оно позволит ему прожить сто пятьдесят лет. Когда с началом Первой мировой войны в действие вступил «сухой закон», он назвал это недопустимым нарушением гражданских прав. Тем не менее он тут же отказался от виски и других напитков, кроме молока и воды, но сказал, что отказ от виски сократит для него ожидаемую продолжительность жизни до ста тридцати лет.

По его словам, он не нуждался ни в каких стимуляторах, способствующих ясности мышления. Быстрая ходьба гораздо лучше помогала ему концентрироваться. Во время работы он как будто пребывал во сне. Даже проходя мимо хорошего знакомого и вроде бы даже глядя на него, он мог его

просто не заметить. В своих мыслях он обычно уносился на многие мили от своего реального местонахождения. Очевидно, из-за этой задумчивости в 1937 году он был сбит такси и серьезно поранился. Интересно, что двумя годами ранее он отметил в интервью, что может погибнуть, попав под грузовик или такси при неосторожном переходе улицы.

Без одежды он весил около 65 кг. Его вес с 1888 по 1926 год едва ли изменялся на полкило, за исключением непродолжительных периодов болезни. Затем он специально похудел на два с половиной килограмма.

На протяжении многих лет одной из слабостей, которые он позволял себе, был массаж головы. Трижды в неделю он ходил в парикмахерскую, где парикмахер по полчаса растирал ему голову. По его настоянию он стелил ему на стул чистое полотенце, но, как ни странно, он не возражал, когда парикмахер использовал обычную кружку для бритья и помазок.

Он всегда утверждал, что спит по ночам не более двух часов. Ложился он, по его словам, в пять утра, а поднимался в семь, проведя во сне лишь два часа; три же часа было уже слишком. Раз в год, по его признанию, он спал по пять часов, что давало ему огромный запас энергии. Он говорил, что никогда не прекращает работу, даже во сне, и смеялся над Эдисоном, говорившим, что спит по ночам не более четырех часов. Для Эдисона обычное дело, рассказывал он, задремать дважды в день на три часа, сидя в своей лаборатории. Возможно, что, не сознавая того, он и сам досыпал подобным же образом. По рассказам работников отелей, они привыкли видеть, как он часами неподвижно стоит на одном месте в своем номере, настолько отрешенный от происходящего вокруг себя, что они могли работать в его комнате, явно не замечаемые им.

Он всегда устраивал у себя в кабинете отдельный туалет с умывальником, которым не мог пользоваться никто, кроме него, и мыл руки по малейшим причинам, а после мытья рук требовал у секретарши свежее полотенце.

Избегая рукопожатия, он доходил до крайностей и обычно прятал руки за спиной, когда к нему приближался кто-то, кто мог поздороваться с ним за руку. Из-за этого он нередко попадал в неловкое положение. Если случайный посетитель в его кабинете пожимал ему руку, он очень расстраивался, что не сможет уделить, внимания его делу, и часто выдворял его, не выслушав до конца сути вопроса, а потом сразу же бросался к умывальнику и тщательно мыл руки. А вид рабочих, пообедавших с грязными руками, был неприятен ему до тошноты.

Жемчуг тоже был одной из его фобий. Если на одной из женщин на званом обеде, куда его пригласили, был жемчуг, он не мог есть. Ему вообще были противны гладкие круглые поверхности, поэтому даже бильярдные шары он привыкал терпеть очень долго.

Он никогда не страдал головной болью и не знал, каково это — выносить ее. Несмотря на ряд серьезных болезней, за годы своей самостоятельности он ни разу не вызывал врачей.

Практически все его фобии имели свои причины, но не все они известны. Боязнь микробов можно проследить до двух серьезных болезней его молодости. В обоих случаях это, скорее всего, была холера — болезнь, широко распространенная у него на родине, которая вызывается микробами, попадающими в организм при потреблении грязной питьевой воды и при контакте между людьми.

Нельзя говорить, будто он не сознавал свои неприятные слабости, напротив — он прекрасно знал о них и о том, насколько они затрудняют ему повседневную жизнь. Но они